

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

STUDIA BIOGRAPHICA

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

3

Феникс ♦ Atheneum
Москва-С.-Петербург

1993

ББК 83.3Р 1
8 Р 1
Л-659

Редактор-составитель А.В.Лавров

Л-659   Лица: Биографический альманах. 3. — М.; СПб.:
Феникс: Atheneum. 1993. 496 с.; ил.

ISBN 5-85042-046-0
ISBN 5-85042-049-5

В настоящем томе альманаха собраны следующие материалы об отечественных деятелях культуры XX века: мемуары писателя Е.Н.Чирикова; письма автора «Образов Италии» П.П.Муратова к издателю К.Ф.Некрасову; письма молодого Н.Бердяева к П.Б.Струве; неизвестные произведения прозаика А.П.Иванова и поэтессы О.А.Черемшановой; архивные документы о семье Пастернаков, об А.М.Ремизове, Ф.К.Сологубе; исследования о С.А.Бердяеве и др. Все публикации подробно откомментированы. Неизвестные фотоиллюстрации.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей отечественной культуры.

Л $\frac{4702010200 — 006}{Д 20 (03) — 93}$ 93 без объявл.

ББК 83.3Р 1
8 Р 1

ISBN 5-85042-046-0 (Феникс)
ISBN 5-85042-049-5

© «Феникс», 1993

Е.Р.Обатнина

ОТ МАСКАРАДА К ТРЕТЕЙСКОМУ СУДУ
(«Судное дело об обезьяньем хвосте»
в жизни и творчестве А.М.Ремизова)

С момента основания известного общества «Обезьянья Великая и Вольная палата» обезьянья тема становится постоянной в художественном творчестве и житнетворчестве А.М.Ремизова. С годами границы вымысла и реальности размываются, и в эту игру, изначально выдуманную для ребенка, оказывается вовлечен почти весь литературно-художественный круг Петербурга. Художники и поэты, философы и критики с детской доверчивостью, а подчас и гордостью, прикрытой юмором, принимали княжеские титулы и почетные грамоты, подписанные «собственнохвостно» таинственным царем Асыкой и искусно изготовленные его верным канцеляриусом Алексеем Ремизовым¹.

Стиль поведения писателя, основанный на пародировании, шутовской бессмыслице, юродивой откровенности, довольно быстро стал привычным на различных литературных вечерах. Тем не менее Ремизову удалось вызвать к своему легкомысленному амплу вполне серьезное отношение. Так, Зинаиде Николаевне Гиппиус приходится поначалу разъяснять недоумевающему и утомленному докучаниями Ремизова московскому гостю (Андрею Белому): «Алексей-то Михайлыч? Да это — умнейший, честнейший, серьезнейший человек, видящий насквозь каждого; коли он "юродит" — так из ума»². Действительно, за этой ролью почти всегда скрывалось продуманное отношение к подменам реальности мнимостями, противопоставление детской игры в Обществе играм взрослых, серьезных, философствующих в многочисленных обществах, собраниях для избранных. При этом Ремизов как будто старается переманить симпатичных ему людей из об-

¹ Об истории создания Обезьяньей палаты, исторических корнях образа царя Асыки и членах общества см: Ремизов А. Кукка: Розановы письма. Берлин. 1923. С.38-40; Гречишкин С.С. Царь Асыка в «Обезьяньей Великой и Вольной палате» Ремизова // Studia Slavica (Budapest). 1980. Т.XXVI. S.173-176; Морковин В. Приспешники царя Асыки // Ceskoslovenska rusistika. 1969. №4. S.178-183.

² Белый А. Между двух революций. М., 1990. С.65.

шеств в свою обезьянью палату, объединяя их по единому признаку, соответствующему его личным представлениям о правдивости, искренности, творчестве и дружеском расположении.

В 1905, когда Ремизов только появился в Петербурге и был принят на службу в «Вопросы жизни» в качестве «домового» (т.е. секретаря), — судя по всему, он чувствовал себя одиноко и ему приходилось довольствоваться малым. Так, во время заседания редколлегии журнала чудаковатый секретарь устраивал параллельные заседания, участниками которых были... калоши заседавших в соседней комнате.

Но после 1908, когда была создана Обезьянья Великая и Вольная палата, число удостоенных чести быть принятыми в ремизовское тайное общество активно приумножается. Таким образом, переплетение игры и жизни, проводимое Ремизовым, все органичнее утверждается в петербургском литературном мире, особенно это было уместно на ставших модными в 1910-х маскарадах.

Апофеозом реализации фантазии об обезьянней палате стало происшествие, имевшее самое неожиданное развитие.

Началось все с невинной шутки, наиболее короткое упоминание о которой находим в воспоминаниях Константина Эрберга. Речь идет о новогоднем маскараде 3 января 1911, состоявшемся на квартире у Ф.К.Сологуба: «Всем этим заправляла А.Н.Чеботаревская. /.../ Друзья приходили, кто в чем хотел, и вели себя, как кто хотел. Помню артистку Яворскую (Борятинскую) в античном хитоне и расположившегося у ее ног Алексея Н. Толстого, облаченного в какое-то фантастическое одеяние из гардероба хозяйки; помню профессора Ященко в одежде древнего германца со шкурой через плечо; Ремизова, как-то ухитрившегося сквозь задний разрез пиджака помахивать обезьяньим хвостом»³.

Несколько дней спустя воспоминания об этой проделке были омрачены следующим недоразумением: Анастасия Николаевна Чеботаревская узнает, что хвост, всех забавлявший на ее вечере, был когда-то неотъемлемой частью обезьянней шкуры, которую она взялась раздобыть по просьбе графа Алексея Николаевича Толстого для маскарада, устроенного им 2 января у себя дома. А Алексей Михайлович Ремизов, как участник и этого маскарада, уже тогда присмотрел себе для костюма такую экстравагантную деталь. Тяжкое обвинение в злостном небрежении к чу-

³ Эрберг К. [Сюннерберг К.А.]. Воспоминания // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С.140-141.

жим вещам пало на писателя. Началась переписка, насыщенная едва сдерживаемым гневом с одной стороны и оправданиями — с другой.

Чеботаревская писала:

6.1.[19]11, Петербург

Уважаемый Алексей Михайлович!

К великому моему огорчению, узнала сегодня о происхождении Вашего хвоста из моей шкуры (не моей, а *чужой* — ведь это главное!). Кроме того, не нахожу задних лап. Неужели и они отрезаны? И где искать их? Жду ответа. Шкуру отдала починить, — но как возвращать с заплатами?

Ан. Чеботаревская⁴.

Ремизов обстоятельно отвечал:

8.1.1911

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Я очень понимаю Ваш гнев и негодование. Пишу Вам подробно, как попал ко мне хвост. 2-го я пришел к гр. А.Н.Толстому. У Толстого застал гостей — ряженных. Какой-то офицер играл, а ряженные скакали. На ряженных были шкуры. Дождаюсь срока своего — чай пить, стал я ходить по комнате. На диванах разбросаны были шкуры. Среди шкур я увидел отдельно лежащий длинный хвост. Мне он очень понравился. Я его прицепил себе без булавки за штрипку брюк и уж с хвостом гулял по комнате.

Пришел А.Н.Бенуа. Видит, все в шкурах, вытащил какой-то лоскуток и привязал к жилетке.

Тут ряженные стали разыгрывать сцену, и все было тихо и смирно — никто ничего не разрывал и не резал. Меч острый японский по моей просьбе — боюсь мечей всяких в руках несмелых — был спрятан.

Уходя от Толстого, попросил я дать мне хвост нарядиться. Толстой обещал захватить его к Вам, если я прямо пойду к Вам.

3-го я зашел к Толстому, получил от него хвост, прицепил его без булавки и поехал к Вам.

У Вас, когда надо было домой, я снял хвост и отдал его Алексею Николаевичу.

Я взял хвост таким, каким мне его дали. Я его не подрезывал. С вещами я обращаюсь бережно. И нет у меня привычки (глупой, меня раздражающей) вертеть и ковырять вещи. Лапок я тоже не отрывал. И не видал. Очень все это печально.

А.Ремизов⁵.

⁴ РНБ. Ф.634. Ед.хр.233. Л.1.

⁵ ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.30. В фонде Ремизова хранится открытка А.Толстого с приглашением Ремизовых: «31.12.[19]10. Милый Алексей Михайлович,

Анастасия Николаевна, смягчившись таким объяснением, ретировалась в своем втором письме:

9.1.1911, Петербург,

Уважаемый Алексей Михайлович!

Вы меня простите, пожалуйста, если Вы в резке шкуры не повинны, но я письмо получила от г-жи Толстой на следующий день, что «хвост отрезал Ремизов *в ее отсутствии*» — что меня и повергло и в изумление, и в печаль. Я 3 дня разыскивала такую шкуру и купила новую.

А.Ч.⁶

В мемуаристике обращают на себя внимание два описания этой, на первый взгляд, анекдотической истории — отличные друг от друга по своим оценкам. Они принадлежат Н.Оцупу и Г.Чулкову.

Николай Оцуп в своих воспоминаниях, обрисовывая сложившуюся ситуацию, перемещает центр внимания с фигуры Ремизова на двух других действующих лиц, выступивших на авансцену этой истории. Ими стали Ф.К.Сологуб и А.Н.Толстой. Вот что пишет Оцуп: «Для какого-то маскарада в Петербурге Толстые добыли через Сологубов обезьянью шкуру, принадлежавшую какому-то врачу. На балу обезьяний хвост оторвался и был утерян. Сологуб, недополучив хвоста, написал Толстому письмо, в котором назвал графиню Толстую госпожой Дымшиц, грозился судом и клялся в вечной ненависти. Свою угрозу Сологуб исполнил, он буквально выжил Толстого из Петербурга»⁷.

На памяти Георгия Чулкова серьезность этого случая состояла именно в том, что действительно виновный писатель оказался в стороне от событий, в то время как все остальные участники разыгравшейся комедии перессорились не на шутку. Чулков описывает эту историю следующим образом: «На одном из маскарадов /.../ разыгралась история с обезьяньим хвостом. /.../ На маскарад был приглашен, между прочим, один писатель, который по любви своей к чудачествам объявил простодушной Анастасии Николаевне, что ему для его костюма необходима обезьянья шкура. Анастасия Николаевна с большим трудом достала у кого-то желанный предмет и дала его шутнику с предупреждением, что с ним надо обращаться чрезвычайно бережно. Пред-

---

приходите к нам завтра 31-го встречать Новый Год, вместе с Серафимой Павловной. Ежели-же Вам обоим нельзя будет прийти (что нас очень огорчит), [то] 2-го января ждем Вас обоих непременно. У нас будет Бенуа и Бородаевский, больше никого. Затем останусь Ваш и навсегда гр. Ал. Толстой» (РНБ. Ф.634.Ед.хр.217. Л.2).

⁶ РНБ. Ф.634. Ед.хр.233. Л.2.

⁷ Оцуп Н. Современники. Париж. 1961. С.51-52.

ставьте себе ее ужас, когда любитель шуток явился на вечер в своем обычном пиджаке, из-под которого торчал обезьяний хвост. В этом заключался весь этот маскарадный костюм. Но главное — был отрезан хвост от драгоценной шкуры. Это был уже скандал. Сам хитрец вышел сух из воды. Но вокруг "обезьяньего хвоста" разыгрались дамские страсти. Какую-то даму обвинили в том, что писатель отрезал хвост по ее наущению. Полетели письма с взаимными оскорблениями. Мужья заступились за жен. Сологуб обиделся на одного небезызвестного и даровитого литератора, который впутался неосторожно в полемику по поводу хвоста»⁸.

Отношение Чулкова к случившемуся немаловажно, поскольку он, вместе с профессором А.С.Яшенко, выступал посредником А.Н.Толстого на третейском суде, рассматривавшем это «дело» 15 февраля 1911. Действительно, желание слегка посямовать разыгравшийся скандал как будто присутствует в воспоминаниях Г.Чулкова, который был далек от поисков внутренних причин, вызвавших длительное разбирательство. Видимо, так же относился к происходящему и Толстой, ведь, вероятнее всего, Чулков излагал версию, представленную А.Н. и его супругой. Но вот по мнению другого члена данного суда чести, Александра Блока, эта тенденция к излишнему легкомыслию обнаруживает вообще поверхностное отношение к жизни, являясь неким тревожным симптомом подрыва нравственной основы, необходимой художнику в жизни и творчестве. Не случайно поэт, отзываясь 14 февраля 1911 об этом деле в письме к матери, А.А.Кублицкой-Пиотух, не найдет места для иронии: «Это очень давняя и грязная история, в нее замешаны многие писатели (*секрет!*)»⁹. Характерно для Блока и это подчеркивание («секрет»), говорящее о высоком этическом цензе, о котором поэт не забывает даже в своих доверительных письмах к матери. Окончательное суждение о легком отношении ко всему, что есть в жизни, Блок выскажет в дневниковой записи два года спустя, когда ему доведется прочесть комедию Алексея Толстого «Насильники». Стараясь быть предельно объективным, он писал: «Все испорчено хулиганством, незрелым отношением к жизни, отсутствием художественной меры. По-видимому, теперь *его* [Толстого. — Е.О.] отравляет Чулков: надсмешка над своим, что могло бы быть серьезно, и невероятные положения: много в Толстом и крови, и жиру, и похоти, и дворянства, и таланта. Но, пока он будет думать, что жизнь и искусство состоят из "трюков" (как нашептывает Чулков, — это, впро-

⁸ Чулков Г. Годы странствий. М., 1930. С.160.

⁹ Блок А. Собр.соч. в 8 тт. Т.8. М.; Л., 1963. С.329.

чем, мое предположение только), — будет он бесплодной смоковницей. /.../ К сожалению, часто бывает так, что нарушение *всего*, само по себе позволительное, влечет за собой и нарушение *одного* — той заповеди, без исполнения которой жизнь и творчество распыляются»¹⁰.

Быть может, Николай Оцуп несколько преувеличивал, когда писал, что Сологуб выжил Толстого из Петербурга, но гнев оскорбленного писателя на самом деле был ужасен и как будто только распался со временем¹¹. Так, ровно через месяц после происшествия Сологуб, с настойчивостью учителя, желающего научить уму-разуму нерадивого ученика, предпринимает кампанию по изоляции Толстого от петербургского литературного мира и рассылает ультимативные письма людям своего круга, побуждающие их прекратить знакомство с графом. Письма, идентичные по своей основной мысли, получили 6 февраля Г. Чулков¹² и Ю. Верховский, оказавшиеся, как покажут дальнейшие события, на противоположных позициях в развивавшейся истории. Поскольку роль Верховского совершенно не освещается мемуарной литературой, уделим особое внимание его переписке по этому поводу. Итак, Сологуб писал Верховскому:

¹⁰ Блок А. Указ. изд. Т. 7. С. 221.

¹¹ О том, что утверждение Оцупа небезосновательно, свидетельствует дневник А. Толстого, в котором маскарадный сюжет 1911 года отразился в шуточном стихотворении, написанном в апреле этого же года, когда Толстой был на Кавказе и собирался продолжить свое путешествие в Крым:

ОТЪЕЗД В ФЕОДОСИЮ

(конец апреля)

Я потек струей соленой,
Став на баке корабля,
Мелким бесом истомленный,
В Киммерийские поля.

Мне не надо обаяний,
Для меня пусть вечен пост.
И на мачте обезьяний,
Словно знамя, вился хвост.

(А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М., 1985. С. 279). И хотя А. И. Хайлов, публикатор дневника Толстого, объясняет путешествие писателя его природной любознательностью, нет сомнений, что это стихотворение содержит вполне конкретную мотивацию возникшей тогда «охоты к перемене мест». Если принять во внимание события зимы 1911 года, то становится очевидным, что строку «Мелким бесом истомленный» следует относить не к названию романа «Мелкий бес» и его героям, как указывается в комментарии (С. 324), а к автору этого произведения Ф. К. Сологубу; в свою очередь, под обезьяньим хвостом здесь подразумевается не отвлеченный «символ своеволия», справедливо соотнесенный публикатором с Обезвельпалом Ремизова, а конкретный хвост от маскарадной шкуры.

¹² См. публикацию этого письма: Сологуб Ф. Творимая легенда. Т. II. М., 1991. С. 298 (комментарий А. Соболева).

6 февр[аля] 1911 года

Дорогой Юрий Никандрович,

Я с большим огорчением узнал, что Вы продолжаете поддерживать отношения с графом Алексеем Николаевичем Толстым. Образ действий графа Ал.Ник.Толстого таков, что для меня невозможно быть в обществе его друзей.

Преданный Вам Федор Тетерников¹³.

Реакция получателей на эти письма была неоднозначной. Ю.Н.Верховский тотчас поспешил ответить Сологубу:

6.П.[1]911

Дорогой и глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Мне было очень грустно читать Ваше письмо. Вы как бы спрашиваете меня, какие отношения предпочту я: с Вами — или с А.Н.Толстым? Неужели возможно ставить этот вопрос? Да, я был у него, но тогда же письмо его к Анастасии Николаевне назвал последнюю степень пошлости. До вчерашнего вечера я имел легкоеверие думать, что Толстой во вторник повинился во всем Алексею Михайловичу и просил у него совета, желая сделать то же перед Вами и Анастасиею Николаевной. Теперь же отношения между мною и Толстым невозможны. Вы знаете, что я всегда любил и уважал Вас и Анастасию Николаевну. А будете ли Вы отныне считать меня в числе Ваших друзей — решите сами...

Искренно Вам преданный Юрий Верховский¹⁴.

Вслед за тем Верховский незамедлительно заявил Толстому ноту протеста, расцененную адресатом на фоне накалившихся страстей как намеренное оскорбление. О случившемся Толстой известил Вяч.Иванова 8 февраля: «Дело в том, что Ю.Н.Верховский прислал мне оскорбительное письмо, и я вызываю его на третейский суд»¹⁵. В тот же день Толстой отправил Верховскому весьма лапидарное послание:

Таврическая, 147. 8. П.[19]11

Милостивый Государь!

Вызываю Вас на третейский суд.

гр. А.Н.Толстой¹⁶.

¹³ Гос. музей истории города (СПб.). Фонд А.Блока. XI-A/121-Р. КП-106922.

¹⁴ ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.129. Л.7.

¹⁵ См.: Письма А.Н.Толстого к Вяч.Иванову, 1911-1912 / Публ. Н.Гончаровой // Вопросы литературы. 1991. №6. С.245.

¹⁶ Гос. музей истории города (СПб.). Фонд А.Блока. XI-A/126-Р. КП-106927. Обозначенный в письме адрес не соответствует подлинному адресу Толстого на тот момент: в начале 1911 года он жил в доме №147 по Невскому проспекту. Описку можно объяснить одновременностью составления писем к Верховскому и Вяч.Иванову, проживавшему на Таврической улице.

В ответе Верховского Толстому от 9 февраля звучит как будто недоумение от такого поворота событий:

9.II[1]911

Мил[остивый] Государь,

Письмо Ваше получил. Если Вы действительно находите, что есть повод к третьейскому разбирательству между нами, то потрудитесь сообщить, в чем он заключается, Вашим доверителям, которые пусть ко мне и обратятся.

Юрий Верховский¹⁷.

14 февраля Верховский попросил А.Блока и Е.В.Аничкова быть посредниками в предстоящем третьейском суде. Блок сообщал матери 14 февраля: «Пришел Верховский приглашать меня участвовать в третьейском суде /.../. Мы будем разбирать только часть — инцидент с ни в чем не повинным Верховским»¹⁸. О своей реакции на требования Сологуба Чулков вспоминал: «И вот однажды я получил от Федора Кузьмича письмо, в котором он требовал, чтобы я не принимал у себя в доме провинившегося писателя. Как я ни любил Федора Кузьмича, но решительно отказался принять такой "обезьяний" ультиматум. И Федор Кузьмич дулся на меня некоторое время»¹⁹. Как бы то ни было, но можно согласиться с Г.Чулковым, назвавшим письмо Сологуба «обезьяньим ультиматумом». Ремизовская обезьянья шутка вдруг разделила людей общего круга, испытывавших расположение друг к другу, на тех, кто понимает жизнь как «трюк» и при-

¹⁷ Гос. музей истории города (СПб.). Фонд А.Блока. XI-A/118-Р. КП-106915. Л.1 (черновик). О переговорах Ю.Н.Верховского с посредниками А.Н.Толстого — Г.И.Чулковым и А.С.Яценко — косвенно свидетельствуют следующие черновые письма Верховского из того же фонда: «10.II.[1]911. Многоуважаемый Георгий Иванович. Мне очень жаль, что Вы и профессор Яценко не застали меня. М[ожет] б[ыть], Вы бы заехали ко мне сегодня же: я вечером дома. Завтра я рассчитываю быть дома после четырех часов — и до вечера. Буду Вас ожидать. Преданный Вам Юрий Верховский. P.S. К сожалению, не удалось за поздним временем отправить письмо с посылным и приходится отложить наше свидание до завтра»; «12.II. [1]911. Многоуважаемый Георгий Иванович. Завтра я жду Вас и профессора Яценка в назначенное Вами время — в 3 ч. дня. Пред[анный] Вам Юрий Верховский»; «13.II.[1]911. Многоуважаемый Георгий Иванович. Спешу известить Вас, что на рассмотрение посредниками, а не третьейским судом, что выяснилось сегодня из разговора с профессором Яценком и Вами, дела, возникшего между гр.А.Н.Толстым и мною, я согласен и посредниками с своей стороны пригласил Евгения Васильевича Аничкова и Александра Александровича Блока, к к[о]т[о]рым и прошу обратиться посредников графа А.Н.Толстого. Преданный Вам Юрий Верховский». (XI-A/118-Р. КП-106915. Л.3, 4).

¹⁸ Блок А. Указ.изд. Т.8. С.329.

¹⁹ Чулков Г. Указ.соч. С.161.

нимает все законы этого жанра, и тех, кто допускает в жизни игру, фантазию именно потому, что они лишены таких несовершенств жизни, как грубость, недоверие и подозрительность. После январского маскарада 1911 произошло некое распределение вокруг противостоящих друг другу полюсов: трюк — игра. При этом такой серьезный, трезвого ума человек, как Ф.К.Сологуб, который не всегда принимал стиль поведения Ремизова и однажды спросил с нескрываемым раздражением: «Почему вы все время врете?», — тем не менее оказался на одной позиции с чудаком и шутником Ремизовым. Вероятно, залогом этого объединения было свойственное обоим утонченное, внимательное отношение к жизни, в которой главное, как писал Ремизов, чтобы «человек человеку был Дух Утешитель».

Так маскарадная шутка обратилась в нравственную проблему взаимоотношений в литературной среде, о чем Сологуб написал во втором письме к Верховскому:

7 фев[раля] 1911

Дорогой Юрий Никандрович,

Ваше письмо было очень утешительно для Ан[астасии] Н[иколаевны] и меня. Вы ответили так скоро и решительно, что очевидно, что Ваше решение было готово до моего письма. Поверьте, что мы очень ценим искренние отношения, и очень дорожим ими. Мы бы не ставили вопроса в такой форме, если бы видели в этом только личное столкновение. Но я думаю, что этот случай имеет общее значение, как показатель той нестерпимой грубости нравов, которая вносится в последнее время в литературную среду все настойчивее; и то, что мы узнали от Алексея Михайловича Р[емизова], окончательно утвердило меня в этом взгляде. И Ан[астасия] Н[иколаевна], и я очень благодарим Вас за милое дружеское отношение к нам, и мы будем сердечно рады, если наши отношения взаимные и впредь будут основаны такими же, основанными на взаимном понимании, сочувствии и доверии. Александре Павловне от нас сердечный привет.

Преданный Вам Федор Тетерников²⁰.

²⁰ Гос. музей истории города (СПб.). Фонд А.Блока. XI-A/122-Р. КП-106923. Александра Павловна Верховская — жена Ю.Н.Верховского, библиотечный работник. Как становится понятным из этого письма, сложившаяся ситуация обнаружилась подводные течения в отношениях литераторов данного круга, в особенности с А.Толстым. Воспоминания С.И.Дымшиц-Толстой свидетельствуют, что в отношениях Толстого с Ремизовым и Сологубом была определенная двойственность, исключавшая искреннее доброжелательство: «К Ремизовым Алексей Николаевич проявлял интерес наблюдателя, идти к ним называлось "идти к насекомым"». /.../ Алексея Николаевича /.../ в доме Сологуба забавляла и вместе с тем немного раздражала хозяйка, окружавшая смешным и бестакт-

Из письма Сологуба следует, что на его отношение ко всему случившемуся решающим образом повлияла реакция А.М.Ремизова. Хотя вопросы этики в оценке событий выступали на первый план, нельзя не обратить внимание и на то, что начало 1911 для Ремизова было отмечено некоторой неприятной закономерностью, во многом обусловленной обострением хронического заболевания писателя и проявлявшейся, быть может, в болезненной обидчивости, мнительности и очень требовательном отношении к окружающим. Помимо январского конфликта с Толстым, вызванного его бестактностью, которая была осуждена третейским судом 15 февраля, — 9 января Ремизов порвал свои отношения с Сергеем Городецким. «Причиной этому, — объяснял Ремизов в письме к поэту, — Ваши возмущающие и грубые выходки. Вот чтобы избавиться от этого, я и думаю, лучше не быть знакомым»²¹.

Ремизов в этом случае апеллирует к А.А.Блоку, ответившему ему 11 января 1911 письмом, которое помогает понять, что, помимо болезни, заставило писателя, прослывшего балагуром и мистификатором, вдруг так резко посерьезнеть. Блок писал: «До сих пор ведь мы все по отношению друг к другу были более или менее цветами. Когда встречались, все между нами было сдобрено розовым маслом — стилями, масками, шутками и стишками. Но самые плоды — впереди. Многим из нас воистину суждено быть вместе и называться: "мы"»²².

Ремизов свое представление об основе взаимоотношений между людьми, служащей для их объединения, выскажет в Манифесте Обезвельволпала, написанном хотя и гораздо позднее 1911 года и во многом продиктованном новой общественной ситуацией, но все же впрямую соотносящемся с данной темой:

Мы /.../ Асыка Первый, верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился, презирая гнусное человечество, огадившее всякий свет мечты и слова, объявляем всем хвостатым и бесхвостым; /.../ приверженцам нашим, что здесь в лесах и пустынях нет места гнусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделывать и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, чем бы они ни прикрывались; а потому и тем, кто

ным культом почитания своего супруга» (Воспоминания об А.Н.Толстом. М., 1973. С.79).

²¹ См.: Неизданная переписка Блока с А.А. и С.М.Городецкими / Публ. и комм. В.П.Енишерлова и Р.Д.Тименчика // Литературное наследство. Т.92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.2. М., 1981. С.52.

²² Блок А. Указ.изд. Т.8. С.326.

обмакивает в чернильницу кончик хвоста или мизинец, если обезьян бесхвост, надлежит помнить, что никакие ухищрения пузатых отравителей /.../, как будто откликающихся на вольный клич, но не допускающих борьбу за этот клич, не могут быть допустимы в ясно-откровенном и смелом обезьяньем царстве, и всякие попытки подобного рода будут караемы изгнанием в среду людей человеческих, этих достойных сообщников лицемеров и трусливых рабов из обезьян, о чем объявляем во всеобщее сведение для исполнения»²³.

Вячеслав Иванов, избранный супер-арбитром суда чести между гр.Толстым, с одной стороны, и Верховским, Ремизовым и Сологубом, с другой, в своих письмах к Ремизову, содержащих обстоятельные отчеты о подготовке и проведении этого разбирательства, также видел смысл его в «оздоровлении литературной атмосферы». В своем последнем письме о результатах судебного разбирательства 15 февраля Иванов свидетельствовал, что А.Н.Толстой заявил перед судом о своем искреннем раскаянии в легкомысленном обвинении Ремизова «в том поступке», как деликатно пишет супер-арбитр, ни разу не назвавший прямо первоначальную причину разыгравшегося скандала²⁴. Зато Ремизов своею рукою напишет напротив этих строк: «Будто взял обезьяний хвост (обре-

²³ Ремизов А. Ахру: Повесть петербургская. Берлин-Пб.-М., 1922. С.50-51.

²⁴ Переписка А.Ремизова и Вяч.Иванова готовится к публикации А.М.Грачевой. Формально третейский суд 15 февраля 1911 собирался по поводу конфликта Толстого с Верховским, и оскорбленное достоинство А.Н. было удовлетворено. Но понимая, что данный конфликт лишь следствие первопричины, потянувшей за собой целую цепь инцидентов, суд чести принял необходимые меры по восстановлению психологического климата в отношениях А.М.Ремизова и Ф.К.Сологуба с А.Н.Толстым. В результате затея Ал.Толстого с третейским судом над «ни в чем не повинным» (А.А.Блок) Ю.Н.Верховским обернулась против самого истца, так как по решению суда и, видимо, сознавая шаткость своего положения, Толстой в письменной форме принес свои «полные извинения» Сологубу и Ремизову. Вот его письмо к Сологубу с припиской Вяч.Иванова:

Милостивый Государь,

Федор Кузьмич, осуждая свой образ действий, приношу Вам, вместе с заявлением моей готовности дать Вам дальнейшее удовлетворение, мои полные извинения, поскольку Вы справедливо можете признать себя оскорбленным в лице Анастасии Николаевны, и покорнейше прошу Вас передать таковые же извинения самой Анастасии Николаевне.

Примите уверение в моем совершенном почтении.

Гр. Алексей Н. Толстой.

15. II. [19]11.

Слова: «поскольку Вы справедливо можете признавать себя оскорбленным»... значат, по мысли графа А.Н.Толстого: «так как Вы спра-

зал)»²⁵. А над вырезанными из «Сатирикона» шаржированными портретами Толстого и Сологуба выведет: «Судное дело об обезьяньем хвосте»²⁶.

Подобная непосредственность и прямолинейность были свойственны Ремизову. И если он не исповедовался перед людьми открыто, то в его устном и книжном творчестве обязательно встречаются мотивы личной жизни, обнаруживающие особенности характера самого писателя. Наблюдается своего рода правило, по которому «сюжеты» собственной биографии обретали в его прозе функцию лейтмотивов. Поэтому «следы» «дела об обезьяньем хвосте» рано или поздно должны были проявиться в произведениях Ремизова.

Вероятно, поначалу мотив этой на шумевшей истории разрабатывался в жанре устного рассказа, а по Ремизову значит — в сплетне. Известно, что он был убежденным литературным «сплетником», сочинявшим и публиковавшим свои невероятные сны о реальных людях и рассказывавшим разные небылицы, утверждая, что литературное произведение нередко оказывается обязанным своим возникновением именно сплетне. Владимир Пяст вспоминал об этом свойстве писателя: «И он любил распространять слухи о каких-нибудь действительных или мнимых ссорах из-за какого-нибудь нелепейшего "лисьего хвоста"»²⁷. Заметим, что эта воспроизводимая Пястом неточность Ремизова, подменяющая обезьяний хвост на лисий, как бы увеличивает дистанцию между реальным действующим лицом имевшей место истории и рассказчиком, распространяющим слух об этой истории.

Посредством подобного отстранения Ремизов, в действительности участвовавший в известном событии, становится литературным героем Ремизова-беллетриста. Занятно, что чем больше времени проходит, тем быстрее реальное происшествие теряет свою конкретность и попадает под абсолютную власть художест-

---

ведливо можете признавать себя оскорбленным», — в чем свидетельствуем подписью, в силу данных нам графом А.Н.Толстым полномочий,

Вячеслав Иванов
А.С.Ященко
Георгий Чулков
Евгений Аничков
Александр Блок.

15 февраля 1911

(ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.682. Л.5-6).

²⁵ РНБ. Ф.634. Ед.хр.217.

²⁶ Там же.

²⁷ Пяст, В. Встречи. М., 1929. С.31.

венного вымысла. Иногда Ремизов придает этому процессу некую постепенность и обрисовывает мотив, взятый из жизни, на самой границе реальности и фантазии, в области, из которой берут начало все ремизовские сны, скрепляющие воедино настоящее и фантастическое. Таковы два сна из лирико-документальной книги Ремизова «Взвихренная Русь». В первом описывается явление Ремизову во сне сотрудника издательства «Сирин» С.Я.Осипова: «С.Я.Осипов в матросском, а поверх золотая венгерка с красными шнурами, а сзади торчит препорядочный хвост, должно быть от барсука отрезан»²⁸. Очевидно, что здесь мотив «обрезанного хвоста» и подразумеваемого под этим проступка совершенно отвлечен от конкретного случая. Тогда как во втором сновидении, в котором Ремизов наблюдает за как будто лишенным всякого смысла разговором Горького и Гржебина, достаточно отчетливо проступают реалии вполне узнаваемой истории:

Входит А.М.Горький, а за ним З.И.Гржебин.

Гржебин в ночном колпаке с аистами.

«Это мне из Германии Вейс привез!» — и прихорашивается.

«Педагогическое средство, — говорит Горький, — только немцы такое и могли сочинить».

«А я Алексею Толстому подарил московский колпак вязанный, безо всего, жалованный колпак».

Обедать надо, а на столе одни обезьяньи хвосты.

«Доктору Владыкину Менелик, негус абиссинский, подарил, — вспоминаю, — Толстого еще судили за это!»

«А зачем хвост обрезал?!» — говорит Горький.

«Это не Толстой, это все Копельман!» — Гржебин закусил от хвоста кончик, и как над спаржей трудится, а хвост крепкий, не поддается²⁹.

Интересно сопоставить приведенное описание сна с версией истории о последствиях маскарада у А.Н.Чеботаревской, сохранившейся в воспоминаниях А.Я.Брюсова. Прежде всего, здесь подтверждается необычайный резонанс, который получил этот эпизод не только в петербургских литературных кругах, но и в Москве. Пересказ московской интерпретации данного происшествия в записях Александра Брюсова сопровождается легким недоверием. И в самом деле, это изложение, явно основанное на слухах, вызывает сомнение, тем более, что в нем приблизительно верно воспроизведенная фабула разыгрывается иными действующими лицами, нежели это было в действительности. Так, чета

²⁸ Ремизов А. Взвихренная Русь / Сост. и вступ.ст. Б.В.Аверина и И.Ф.Даниловой. М., 1991. С.278.

²⁹ Там же. С.299.

Сологубов подменена Мережковскими, а Верховский — поэтом А.С.Рославлевым. Неизменны в этой версии остались лишь роли А.М.Ремизова и Вяч.Иванова, зато злополучная маскарад-ная шкура представлена охотничьей добычей Гумилева из лесов Абиссинии³⁰.

Во сне из «Взвихренной Руси» проявляется излюбленный прием Ремизова, когда фактический материал оказывается наиболее благоприятной почвой для создания мифа, легенды или — на сниженном уровне — литературного слуха, сплетни. Механизм сплетни основывается на эффекте достоверности, достигаемом через пропорционально соразмеренную диффузию действительности и вымысла. Залогом правдивости чаще всего становится конкретное имя.

Характерно, что через сон, напрямую связанный с «судным делом об обезьяньем хвосте», Ремизов не стремится выявить истинного виновника происшествия, исконная правда его вовсе не заботит. Вместо этого наблюдается усиленная ориентированность на слух, молву. Сон как будто фиксирует окончательную форму сплетни, от которой в конце концов, со временем ее бытования, остается лишь «звон», смутное воспоминание, удерживающееся только на реальных именах. Поэтому в сне наблюдается своего рода контаминация правдивых и фантазированных версий.

Признаком правдивого изложения можно считать упоминание достоверного имени: доктор Владыкин, — которое косвенно соотносится с достаточно объективным рассказом Н.Оцупа, приведенным выше. Следует заметить, что Оцуп, принадлежа к более молодому поколению литераторов, не мог быть непосредственным свидетелем событий 1911 года и передает, безусловно, наиболее объективный вариант истории с обезьяньим хвостом, имевший хождение в петербургской литературной среде: «Для какого-то маскарада в Петербурге Толстые добыли через Сологубов обезьянью шкуру, принадлежавшую какому-то врачу». Д-р Владыкин — реальный петербургский врач, однако причастность его к литературному окружению не установлена и употребление этой фамилии в тексте Ремизова могло быть абсолютно произвольным. Тем не менее, документальность этого имени необходима для эффекта «правдивости» сплетни. Появление же во сне абиссинского негуса Менелика, должно быть, определяется, во-первых, ассоциативной связью с московским слухом

³⁰ См.: Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников / Сост. и комм. Ю.В.Зобнина, В.П.Петрановского и А.К.Станюкевича. Л., 1991. С.227.

о Гумилеве, якобы привезшем из Абиссинии шкуры обезьян для Мережковских, а во-вторых, реальным фактом поездок Гумилева в Африку, из которых он доставил экзотические материалы для своей коллекции и по заказу Академии наук (1913). Менелик II — историческое лицо, негус абиссинский, родившийся в 1834 и известный своими военными победами. Таким образом, вполне допустимо, что сон Ремизова из «Взвихренной Руси» оказался так или иначе инспирированным московским слухом о маскарадной истории 1911. Единственным достоверным «персонажем» этого сна является А.Н.Толстой как лицо, участвовавшее в реальных событиях, остальные, при абсолютной подлинности их существования, играют здесь роль сонма путанного сновидения.

Закономерно, что мотив «хвоста» использовался писателем и в произведении, написанном полностью по законам художественной прозы. Это была его последняя петербургская повесть «Канава» (авторский вариант названия — «Плачущая канава»), создававшаяся с 1914 по 1918. Почти всех героев этой повести Ремизов наделил чертами своего характера и приметами автобиографии. Антон Петрович Будылин, персонаж, более других породненный с автором, проживает на Таврической, где с сентября 1910 по сентябрь 1915 жил сам Ремизов, он по-ремизовски воспринимает настоящее как сновидение и имеет своеобразное представление о человеческом счастье: «Самым ненавистным было для него всякое принуждение /.../ отпусти ему Бог хвост и обеспечь покойную жизнь, да он, поверите ли, сумел бы обернуться, примостившись где поудобнее, и тихо и смирно помахивал бы он хвостом день и ночь»³¹.

В своей повести Ремизов проводит нечто вроде психологического эксперимента над героем, заставляя его совершить поступок, отдаленно напоминающий тот, в котором сам писатель был обвинен в январе 1911. Внешне такой поступок ничтожен и даже смешон, но нравственно как будто достоин порицания. И если в других произведениях Ремизов обрезанный обезьяний хвост подменял лисьим, барсучьим или каким-то другим, то здесь заменяется само действие: Антон Петрович Будылин неожиданно для самого себя крадет с прилавка магазина маленькую фарфоровую собачку. Чрезвычайно интересно Ремизов описывает душевные рефлексии героя после содеянного: «Вот он, Антон Петрович Будылин, помощник инспектора — мыслитель — премник Шопенгауэра, стянул какую-то фарфоровую собачонку,

³¹ Ремизов А.М. Избранное / Сост. А.А.Данилевский. Л., 1991. С.422.

которой и цена-то грош»³². И он застыдился, но «только совсем не того, что сделал недозволенное и осуждаемое /.../. Если бы был он уверен в безнаказанности, он и не такое бы еще сделал. И кажется, не было греха, который не совершил бы он просто из озорства и любопытства /.../. И застыдился он только оттого, что представил себя уличенным»³³.

Итак, писатель как будто воссоздает ситуацию «дела об обезьяньем хвосте» и представляет обвинение, павшее на него тогда по навету, — справедливым, приближаясь к самым темным глубинам не только вообще человеческой психологии, но отчасти своей, личной. Недаром тот же Антон Петрович, возмущаясь бездушным озорством одного фабричного, вдруг со страхом вспомнит о своей фарфоровой собачке и задумается, потрясенный этим неожиданным сопоставлением. «Самое лучшее, — будет рассуждать этот герой, — конечно, не иметь дела с людьми. Но как это осуществить, когда от людей и можно спрятаться, разве что в могиле. ”И от самого себя!“ — что-то подало голос из самого сердца»³⁴.

Быть может, это самые исповедальные слова Алексея Ремизова, который в прощальном слове Петербургу будто повинился за многие проказы своей жизни. Ведь в «Конституции» Обезвельволпала было написано: «Обезьянья Великая и Вольная Палата — общество тайное, происхождение — темное, цели — свободно выраженная анархия, намерения — неисповедимые»³⁵.

В эмиграции, когда это чувство щемящего, «всеобъемлющего» стыда за то, что было, и за то, чего не было, немного притупится, Ремизов иначе оценит свои проделки: «Петербургскую жизнь вспоминаю с содроганием. Ложь, игра и хвастовство — затягивающий круг, и, чтобы не пропасть в нем, много было истрачено сил. Одно из средств защиты для меня было озорство»³⁶.

Вероятно, третейский суд 1911 года в значительной степени повлиял на ремизовскую градацию шуточных поступков, различающую озорство безобидное и озорство оскорбительное, разъединяющее людей. Именно как озорство, затемняющее человеческие отношения, было расценено Ремизовым поведение графа Толстого, который оказался способным на бездумное подозрение в хотя и смешной, но не делающей чести проказе.

³² Ремизов А.М. Избранное. Указ. изд. С.407.

³³ Там же. С.408.

³⁴ Там же. С.426.

³⁵ Ремизов А. Ахру. Указ.изд. С.49.

³⁶ Цитата воспроизводится по ст.: Lampl H. Remizovs petersburger Jahre: Materialien zur Biographie // Wiener Slavistischer Almanach, 1982. Bd.10. S.315.

Для повести «Плачужная канава» характерен прием вмешательства авторского голоса в рассуждения героев. Так, Маша Тимофеева, столкнувшаяся в жизни с легкомыслием, назовет это человеческое свойство «гибельным пороком». И тут же авторский голос словно подхватит эту мысль с таким убеждением, с каким говорят, имея личный горький опыт:

Можно бороться и карать вероломство, можно клеймить всякую подлость человеческую, но с бездумьем что вы подаете? Самое на вид безобидное, а внутренне страшнее всякого страха /.../

«А я этого и не знал!»

«А я и не подумал!»

«Вот не думал, что так выйдет!»

Негодяй, да ты думай наперед, а потом делай, а не наоборот, нагадаешь, а когда потычут, и схватишься!³⁷.

Невольно этот эпизод связывается с письмом А.Н.Толстого к Ремизову от 19 февраля 1911:

18.П.[19]11

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, я рад возможности, после выяснения третейским судом известного Вам инцидента, в разбирательстве которого я не преминул опровергнуть Ваше в нем участие, по моей ошибке приписанное Вам, и после Вашего письма к Вячеславу Ивановичу, из которого я вижу, что Вы не затрагивали чистосердечных моих отношений к вещам в разговоре между нами происшедшем, принести Вам искренние извинения за мои сгоряча сказанные слова, которые совсем не соответствовали моему уважению к Вам. Я хочу надеяться, что заявления в этом письме и на суде загладят последствия неосторожного произнесения мной Вашего имени, по ошибке связанного с этим инцидентом, о чем чистосердечно сожалею и извиняюсь.

Примите еще раз уверения в моем глубоком *уважении*.

Гр.Алексей Н. Толстой³⁸.

Таким образом, в повести «Канава» Ремизов возвращает к событию 1911 года, пытаясь вновь осмыслить нравственную сторону истории, ставшей литературным анекдотом. Забавный эпизод послужил материалом для разработки одной из основных тем творчества писателя, которая впервые прозвучала в повести «Крестовые сестры» (1910). В 1931 Ремизов, вспоминая петербургскую жизнь, напишет:

³⁷ Ремизов А.М. Избранное. Указ.изд. С.451.

³⁸ РНБ. Ф.634. Ед.хр.217. Л.3.

«В мае 1920 /.../ я читал главу из моей "Плачужной канавы", где вновь, после "Крестовых сестер", через десять лет, я спросил себя: "что есть человек человеку?" И ответил: "Человек человеку бревно... нет, человек человеку подлец". И еще спросил себя, вдруг вспомнив все-то до последних дней моей жизни и оглянув жизнь в эти наши жгучие бедовые годы, и ответил: "Человек человеку дух утешитель"»³⁹.

---

³⁹ Ремизов А.М. Десять лет / Публ.Н.А.Кайдаловой и Н.Н.Примочкиной // Литературное наследство. Т.92. Кн.2. М., 1981. С.136.